

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОБЩЕПРАВОВАЯ ИДЕЯ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ

М. В. Сидоренко

Московский институт государственного управления и права, г. Москва

В статье предпринят анализ доктринальных подходов относительно сути и содержания идеи «правовая определенность» с целью формирования необходимой теоретической и методологической ясности в вопросе о сути, содержании и назначении этой идеи в правовом регулировании. Повышенное внимание уделено установлению основных элементов содержания понятия «правовая определенность». В этих целях исследуются различные позиции ученых по данному вопросу, высказанные в юридической литературе.

Автор приходит к выводу о том, что и верховенство права и правовая определенность, как основополагающий его элемент, безусловно, фундаментальные правовые идеи мировоззренческого характера. При этом если первая формирует основы функционирования государства и общества по единым и согласованным предписаниям; то вторая – указывает на основные средства, обеспечивающие господство права в обществе государстве.

Идея «правовая определенность» воспринимается как самостоятельный и фундаментальный принцип российского права. Являя себя в качестве универсального общеправового начала, эта идея имеет существенные особенности в своем содержании применительно к той или иной отрасли права.

Ключевые слова: *стабильность права, правовое регулирование, правовые отношения, коллизии права, правовая определенность, верховенство права, окончательные акты суда, правило res judicata rule.*

Обращение к анализу монографических работ, изданных за последние годы, периодических изданий юридического характера и правоприменительных актов высших судебных инстанций России позволяет констатировать нарастающие апелляции законодателя, российской доктрины и практики к сути и назначению категории «правовая определенность». Последняя при этом одновременно характеризуется и в качестве фундаментального («конституционного», «межотраслевого») принципа права [4, с. 251], и в виде определяющего элемента более общей идеи – верховенства права (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania)» (жалоба № 28342/95)), и как желательный результат правового регулирования, к которому стремится правовое государство и гражданское общество.

Конвенционально не отрицая данных подходов, вместе с тем отметим явную неопределенность указанной фундаментальной идеи

непосредственно в нормативном ее выражении. Представляется, далеко не каждый исследователь или субъект практического применения права в состоянии (сразу) привести и охарактеризовать нормативные акты, в тексте которых в части или исчерпывающе закреплены нормативное содержание этой фундаментальной идеи, основные ее элементы, свойства или критерии.

Нет, практически каждый исследователь, прежде всего, будет апеллировать к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., одновременно подчеркивая, что с ратификацией этого акта правовая определенность приобрела значение общепризнанного принципа международного права. Как следствие, будет резюмирован вывод о том, что, в силу прямых конституционных велений (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) его нормативная сущность и содержание а priori обязательны для субъектов правотворческого и правоприменительного процесса России.

Последнее – безусловно. Вместе с тем,

как известно, Европейская Конвенция не содержит ни нормативного закрепления этого принципа, ни конкретного его определения, ни достаточно ясного нормативного содержания. Последнее, наполняется (корректируется, уточняется) путем анализа и истолкования Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) различных правовых ситуаций [2, с. 40–47]. В итоге, наиболее часто цитируемое содержание категории «правовая определенность» – во многом результат эволюционного толкования текста Конвенции непосредственно ЕСПЧ, акты которого, как известно, *ipso facto* обязательны для российского правотворчества и правоприменения, причем в смысловой интерпретации, предложенной непосредственно этим Судом. Последняя, между тем, неоднозначна по сути, в том числе, в силу эволюционного (по времени и смыслу) познания ЕСПЧ основных положений текста Конвенции [8, с. 38–42]. Как следствие, налицо легальные в целом возможности к субъективному выбору и еще более субъективной интерпретации правоприменителями отдельных положений Конвенции (в прецедентном ее толковании), что явно не «добавляет» определенности в сфере правовых отношений.

В итоге, мы несколько скептически оцениваем (резюмирующую) уверенность И. С. Дикарева в том, что «...элементы, через которые в настоящее время раскрывается содержание принципа правовой определенности, не только известны каждому юристу, но интуитивно понятны даже людям, весьма далеким от юриспруденции» [5, с. 4], ибо именно в этих элементах заключены чаяния рядового гражданина, желающего видеть в законе надежный щит, а в государстве – гаранта своей безопасности.

Отсутствие точного понимания сути и содержания идеи «правовая определенность» минимизирует и основное назначение последней, суть которого – в обеспечении особого правового состояния (режима) стабильности и безопасности функционирования как самого государства и общества, так и «рядовых» его членов, требующих стабильности и безопасности правового статуса, правовых отношений, последствий применения права. Методологически точно и верно на это назначение категории «правовая определенность» указывается в системе французского (*securite juridique*) и немецкого (*rechtssicherheit*) права, где

правовая определенность характеризуется прежде всего с позиций правовой безопасности.

По идее, доктрина российского права в целом определилась в вопросе о том, что правовая определенность становится все более значимым фактором текущего правотворческого и правоприменительного процессов. На этом единство взглядов и мнений собственно и заканчивается, так как видовая принадлежность исследуемой фундаментальной идеи и, особенно, нормативное ее содержание (в большинстве своем) трактуются с принципиально различных позиций.

Судья Верховного Суда РФ В. И. Анишина, с одной стороны, констатирует, что исследование категории «правовая определенность» становится актуальной проблемой в доктрине современного конституционного права, с другой – трактует эту идею как «важнейший международный и конституционный принцип», как принцип «общеправовой» [1, с. 149].

Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, нисколько не отрицая значение исследуемой фундаментальной идеи для становления и развития современного конституционализма в России, так же резюмирует, что правовая определенность, скорее, является универсальным принципом права [3, с. 4–10].

А. П. Фоков и Я. М. Винокурова, по сути, солидарно суммируют, что принцип правовой определенности охватывает разные смысловые значения, которые опосредуются областью его реализации. Отсюда и убедительными, и верными (в итоге) видятся им позиции В. И. Анишиной и Т. Н. Назаренко [11, с. 16].

Можно было бы конвенциально согласиться с позициями указанных авторов, не множить далее сущности и однозначно признать за идеей правовой определенности, во-первых, значение принципа права, во-вторых, его фундаментальный и универсальный характер, в-третьих, самостоятельное значение в правовом регулировании. Можно, если бы сами эти позиции были более или менее постоянны. Однако, к примеру, та же В. И. Анишина пишет о том, что определенность именуется универсальным критерием в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, так как «такое равенство может быть обеспечено только лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правопримените-

лями» [1, с. 155].

Соответственно А. П. Фоков и Я. М. Винокурова, суждение которых мы вполне разделяем, считают методически обоснованным указать этому автору на существенное различие (для области права) категорий «критерий» и «принцип». Резюмирован и вывод о том, что неправомерное использование первого термина умаляет фундаментальный характер исследуемой идеи [11, с. 18].

Справедливости ради отметим, что «истoki» указанного подхода обнаруживают себя и в позициях высшего (национального) органа конституционного правосудия, который первоначально охарактеризовал правовую определенность как принцип, но впоследствии, как верно подметил И. М. Евлов [6, с. 250], применительно к последнему стало использоваться также понятие «критерий». В настоящее время без разграничения методических, по сути, различий нередко используются оба указанных термина, что не добавляет определенности в понимание исследуемой идеи.

Несмотря на то, что в актах Европейского Суда по правам человека (постановления ЕСПЧ: «Худякова против Российской Федерации» от 8 января 2009 г. (жалоба № 13476/04); «Пелевин против Российской Федерации» от 10 февраля 2011 г. (жалоба № 38726/05); «Акрам Каримов против Российской Федерации» от 28 мая 2014 г. (жалоба № 62892/12) и др.) и в практике высших судебных инстанций России (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Красноперева»; Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2013 г. № 50-Д13-56 и др.) исследуемая правовая идея однозначно характеризуется в качестве самостоятельного и фундаментального принципа, российская доктрина также не столь однозначна в этих вопросах, подвергая сомнению, как первое, так и второе.

Так, Т. Н. Нешатаева считает необходимым конкретизировать свои подходы в этом принципиальном вопросе, констатируя, что правовая определенность есть основной элемент принципа верховенства права, являющегося основой конституций современных государств. И соответственно указанный принцип – резюмирует автор – закреплен в междуна-

родных договорах, в которых участвует Российская Федерация [9, с. 124–140].

А. П. Фоков и Я. М. Винокурова, анализируя позицию А. Г. Гаджиева, акцентируют внимание на утверждении последнего, в соответствии с которым, несмотря на формальное название «принцип правовой определенности», последний носит не самостоятельное, а субсидиарное значение, являясь «частью нормативного содержания конституционного принципа верховенства права» [11, с. 18].

По идее, можно было остановиться на этом, отметив, что авторы несколько своеобразно понимают диалектику «общего», «особенного» и «единичного» в исследовании столь сложных явлений права, как мировоззренческие идеи (принципы). Однако (далее) они же стремятся еще более конкретизировать подходы в этом вопросе, апеллируя, в том числе к авторитетному и, как утверждается, теоретически верному выводу В. В. Ершова. «Доктрина «верховенство права» еще не сложилась как признанная система научных взглядов, имеющих существенное практическое значение. В итоге, верховенство права можно рассматривать, скорее, как потенциально глубокую и плодотворную научную концепцию, требующую своего дальнейшего развития с позиции интегративного понимания права» [7, с. 14; 11, с. 18–19].

В данных выводах уже нет оснований для признания принципом права не только идеи «правовая определенность», но и более общей идеи «верховенство права», ибо последние, если и существуют реально, то лишь в потенциально плодотворной научной концепции.

Не удивительно, что оценивая указанное разнообразие мнений, М. В. Пресняков называет правовую определенность «...весьма эклектичным понятием, объединяющим самые различные требования к качеству закона и правоприменительной практики. В связи с этим и попытки дать единое понятие правовой определенности в литературе предпринимаются нечасто» [10, с. 3–16].

В том же резюмирующем и смысловом контексте А. П. Фоков и Я. М. Винокурова делают вывод о том, что до настоящего времени как в науке, так и в судебной практике не достигнуто единообразного подхода к понятию правовой определенности, не определена четко его правовая природа [11, с. 17].

По поводу единообразия позиций и взглядов конвенционально спорить не будем,

тем более что есть серьезные сомнения в том, что доктрине действительно необходимо и полезно отсутствие дискуссий и споров о содержательных элементах той или иной фундаментальной идеи. В спорах, как известно, рождается истина. Что же касается сути вопроса, то здесь, как представляется, дискуссии явно надуманы: и верховенство права, и правовая определенность, как основополагающий его элемент, безусловно, фундаментальные правовые идеи мировоззренческого характера. При этом если первая формирует основы функционирования государства и общества по единым и согласованным предписаниям, то вторая – указывает на основные средства, обеспечивающие господство права в обществе и государстве. Первое без второго нежизненно и схоластично.

В данной связи, однозначно воспринимая идею правовой определенности как самостоятельный и фундаментальный принцип российского права, мы вместе с тем признаем и тот факт, что, являя себя в качестве универсального общеправового начала, эта идея имеет существенные особенности в своем содержании применительно к той или иной отрасли права. Отчасти указанные особенности обусловлены предметом и методом правового регулирования, отчасти – структурой и динамикой реализующихся правовых отношений. Отсюда во многом понятны и апелляции М. В. Преснякова как к эклектике нормативного содержания категории «правовая определенность», так и к разнородности правовых средств, направленных на ее обеспечение.

Указанное и справедливо, и верно. Но только отчасти, поскольку, на наш взгляд, всегда объективно в наличии неизменная суть этой фундаментальной идеи: обеспечение режима (состояния) правовой безопасности личности, общества, государства как основы оптимального функционирования правового государства и гражданского общества. Соответственно должны быть конвенциально едины и основные (исходные) элементы содержания этой идеи, которые обязаны объективировать себя вне зависимости от отрасли права, предмета и метода регулирования, субъектов, объекта и содержания реализующихся правовых отношений. На наш взгляд, идея (принцип) правовой определенности прежде всего объективирует себя через потребность в стабильном правовом регулировании.

Содержательно (через элементы) указанная потребность раскрывает себя через статику и динамику права. Статика права при этом объективирует себя через стабильность текущего нормативного регулирования и основанного на нем процесса реализации правовых отношений; формальную определенность действующих правовых предписаний (норм); ясность наличествующих прав и неизменность правового статуса лиц (участников правовых отношений).

Второй элемент содержания идеи «правовая определенность» охватывает собой динамику применения права. В этом аспекте правовая определенность объективирует себя не только через властные акты применения права, но и через такие составные его элементы, как правовая идеология, правовая политика, правосознание субъектов правовых отношений, которые в принципе не должны быть предметом коллизий и нивелирования функции права. Отсюда и формы объективации этой потребности являют себя через (необходимое) единообразие в понимании одних и тех же норм как всеми судами судебной системы Российской Федерации, так и иными публичными (властными) участниками реализующихся уголовно-процессуальных отношений; критерии устойчивости судебных актов, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, и соответственно стабильности складывающихся на их основе правоотношений и состояний; определенность судебного прецедента и иных индивидуальных нормативных правовых актов, реализуемых органами, действующими *ex officio*.

В итоге, только в единстве определенности статики и динамики права, средством которого является правовая определенность, может быть обеспечено состояние (режим) стабильности и безопасности функционирования как самого государства и общества, так и «рядовых» его членов, требующих стабильности и безопасности правового статуса, правовых отношений, последствий применения права.

Литература

1. Анишина, В. И. Правовая определенность как конституционная ценность / В. И. Анишина, Т. Н. Назаренко // Конституция, личность и суд в современной России: материалы научной конференции памяти профессора Н. В. Витрука. – М., 2013. – С. 148–149.

2. Анишина, В. И. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе / В. И. Анишина, Т. Н. Назаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2. – С. 40–47.

3. Бондарь, Н. С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–10.

4. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М., 2011. – 544 с.

5. Дикарев, И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография / И. С. Дикарев. – Волгоград, 2015. – 175 с.

6. Евлоев, И. М. Правовая определенность: принцип или критерий? / И. М. Евлоев // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сборник

научных трудов. – 2012. – Вып. VII. – С. 250.

7. Ершов, В. В. Верховенство права – концепция или доктрина? / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2014. – № 6 (98). – С. 5–17.

8. Ковтун, Н. Н. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека / Н. Н. Ковтун, Д. М. Шунаев // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 38–42.

9. Нешатаева, Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т. Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3. – С. 124–140.

10. Пресняков, М. В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе / М. В. Пресняков // Гражданин и право. – 2014. – № 4. – С. 3–16.

11. Фоков, А. П. Правовая определенность в практике Европейского Суда по правам человека по делам против России в 2014 году / А. П. Фоков, Я. М. Винокурова // Российская юстиция. – 2015. – № 1. – С. 16–17.

Сидоренко Мария Васильевна – кандидат юридических наук, консультант, Московский институт государственного управления и права. E-mail: proectormvs@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2016 г.

DOI: 10.14529/law160308

LEGAL CERTAINTY AS A FUNDAMENTAL GENERAL LEGAL IDEA: NOTION, ESSENCE AND PURPOSE

M. V. Sidorenko

Moscow Institute of Public Administration and Law, Moscow, Russian Federation

The article presents the analysis of doctrinal approaches with respect to the nature and content of the idea of "legal certainty" in order to form the necessary theoretical and methodological clarity about the essence, content and purpose of this idea in the legal regulation. Special attention is paid to the establishment of the basic elements of the concept of "legal certainty". To this end, the different scientists' viewpoints on this issue expressed in the legal literature are investigated.

The author comes to the conclusion that both the rule of law and legal certainty, as its fundamental element, are certainly the fundamental legal ideas of worldview nature. In this case, if the first forms the bases of functioning of the state and society according to a uniform and consistent instructions, then the second indicates at the main means that ensure the rule of law in the society and the state.

Understanding the idea of "legal certainty" as an independent and fundamental principle of the Russian law, the fact that this idea has the essential features of its content in relation to a particular area of law, when performs as a universal general law, is recognized.

Keywords: law stability, legal regulation, legal relations, conflicts of law, legal certainty, rule of law, final acts of the court, res judicata rule.

References

1. Anishina V. I., Nazarenko T. N. [Legal certainty as a constitutional value]. *Konstitutsiya, lichnost' i sud v sovremennoy Rossii: materialy nauchnoy konferentsii pamyati professora N.V. Vitruka* [The Constitution, the person and the court in modern Russia: materials of scientific conference of Professor memory N. V. Vitruka]. Moscow, 2013, pp. 148–149. (in Russ.)
2. Anishina V. I., Nazarenko T. N. [The implementation of the principle of legal certainty in the Russian judicial system]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Agriculture and economics; entrepreneurship; law and governance], 2013, no. 2, pp. 40–47. (in Russ.)
3. Bondar' N. S. [Legal certainty – the universal principle of constitutional normative control (of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo* [Constitutional and municipal law], 2011, no. 10, pp. 4–10. (in Russ.)
4. Bondar' N. S. *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow, 2011, 544 p.
5. Dikarev I. S. *Printsip pravovoy opredelennosti i zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugovnom protsesse* [The principle of legal certainty and enforceability of the judgment in the criminal proceedings]. Volgograd, 2015, 175 p.
6. Evloev I. M. [Legal certainty: principle or criterion?]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva* [Actual problems of the theory and practice of constitutional proceedings], 2012, Vol. VII, pp. 250. (in Russ.)
7. Ershov V. V. [The rule of law – the concept and doctrine?]. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian justice], 2014, no. 6 (98), pp. 5–17. (in Russ.)
8. Kovtun N. N., Shunaev D. M. [Legal certainty and res judicata in the decisions of the European Court of Human Rights]. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge], 2014, no. 9, pp. 38–42. (in Russ.)
9. Neshataeva T. N. [The Court and the generally recognized principles and norms of international law]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the SAC of the Russian Federation], 2004, no. 3, pp. 124–140. (in Russ.)
10. Presnyakov M. V. [Legal certainty and uncertainty of rights in modern constitutional-legal discourse]. *Grazhdanin i parvo* [Citizen and Law], 2014, no. 4, pp. 3–16. (in Russ.)
11. Fokov A. P., Vinokurova Ya. M. [Legal certainty in the practice of the European Court of Human Rights in cases against Russia in 2014]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice], 2015, no. 1, pp. 16–17. (in Russ.)

Mariya Vasilievna Sidorenko – Candidate of Sciences (Law), advisor, Moscow Institute of Public Administration and Law, Moscow, Russian Federation. E-mail: prorectormvs@yandex.ru.

Received 27 April 2016.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сидоренко, М. В. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение / М. В. Сидоренко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 45–51. DOI: 10.14529/law160308.

FOR CITATION

Sidorenko M. V. Legal certainty as a fundamental general legal idea: notion, essence and purpose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 45–51. (in Russ.) DOI: 10.14529/law160308.
